

Милейковский С.

**Он был - сама революция.
Феликс Дзержинский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С11

С11 **С. М.**
Он был - сама революция. Феликс Дзержинский / Милейковский С. – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 68 с.

ISBN 978-5-519-96458-6

ISBN 978-5-519-96458-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

С. МИЛЕЙКОВСКИЙ

ОН БЫЛ —
САМА РЕВОЛЮЦИЯ
(ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ

19

Москва

31

Уполномочен. Главлита № В—5597. Зак. 786 Тир. 25.000.

Тип. Профиздата. Москва, Крутицкий Вал, 18.

Недоумение буржуазной газеты.

Немецкая буржуазная газета «Фоссише Цейтунг» посвятила смерти Феликса Дзержинского статью.

Газета писала:

«В настоящее время еще невозможно составить себе ясное представление об этом суде и пионере нового строительства в советском государстве. Если в наши дни советская власть столь прочна, что представляется совершенно безнадежным рассчитывать на насильственное потрясение ее основ, то это в первую очередь создано гением Дзержинского.

Если человеку что-либо невыгодно понять, он этого и не понимает.

Во всяком случае, всем своим существом он стремится не понять того, что несет ему неотвратимый приговор.

То же и с классами. Буржуазия не хочет понять того, что представлял собой грозный

Феликс Дзержинский, потому что понять Дзержинского — значит понять революцию, значит открыть себе глаза на то неизбежное, что несет буржуазии социалистическая революция, значит уяснить себе обреченность капиталистического мира. Это — свыше сил гибнущего класса, и поэтому-то буржуазная газета и говорит, что «в настоящее время еще невозможно составить себе ясное представление об этом судье и пионере нового строительства».

Буржуазная газета предлагает потомкам разобраться в этой непонятной и противоречивой фигуре пролетарской революции.

Нам, являющимся могильщиками капитализма, создающим жизнь на новых основах, — Дзержинский близок и понятен.

Фигура этого исключительного человека-коммуниста, исключительного революционера будет жить в столетиях. Такие единицы, как Феликс Дзержинский, выталкиваются на историческую поверхность целыми эпохами.

Большой человеческий документ

49 лет прожил Феликс Эдмундович Дзержинский и из них 11 лет, почти четверть своей жизни, он провел в царских тюрьмах. В последний день 1908 года, 31 декабря, в стенах

Варшавской цитадели (крепости) он занес в свой дневник слова, написанные кровью человеческого сердца и гордым сознанием большевика:

«В тюрьме созрел я, в муках, одиночестве, тоске по жизни и миру. Однако никогда не зарождалось у меня сомнения относительно дела. И теперь, когда, быть может, на долгие годы схоронены в ручьях крови все мои надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы, когда многие тысячи борцов за свободу загнаны в темницы и заброшены в снежные тундры Сибири, и теперь я попрежнему горд. Я вижу те огромные массы, которые уже сдвинулись с места, расшатали старое, вижу растущие новые силы для новых боев. Я горд тем, что я с ними, что я вижу, чувствую, понимаю, что я вместе с ними выстрадал очень много.

Здесь, в тюрьме, бывает тяжело. Иной раз — страшно. Однако... если бы мне пришлось сызнова начать жизнь, я ее начал бы таким же образом. И не из чувства обязанности или долга. Нет. Такая жизнь для меня — органическая необходимость. Благодаря тюрьме, дело стало для меня чем-то осязаемым, реальным, как ребенок для матери, как ребенок, который меня никогда не может предать и поэтому всегда доставляет радость.

Тюрьма отняла у меня много, очень много, не только реальные условия жизни, без кото-

рых человек становится несчастнейшим из несчастных, но и самую способность пользоваться этими условиями, лишила меня умения плодотворно проводить умственную работу. Столько лет тюрьмы, чаще всего в одиночках, не могли пройти безнаказанно. Но когда в моем сознании, в сердце моем, я сопоставляю то, что отняла у меня тюрьма, с тем, что она мне дала, — я не в состоянии ответить, что перевешивает. Я знаю лишь то, что не проклиная судьбы и многих лет, проведенных в тюрьме.

Вне тюремных стен существует другая тюрьма, огромная. И она будет разрушена именно силой тех лет, какие мы проводим в тюрьмах. Это — не игра мысли, не рассудочность. Это — результат неудержимой жажды свободы и полноты жизни, результат тоски по красоте и справедливости. На воле теперь товарищи и друзья пьют за наше здоровье. И я здесь, в одиночке, думаю о них: да здравствуют и куют оружие и будут достойны своего дела!...».

Великий человеческий документ. У каждого революционера, погребенного в мертвых стенах тюрьмы, бывают моменты упадка, сомнений. Бывают моменты отчаяния. Революционер — также человек. Трудно бывает в такие минуты силой сознания, силой идеи подавить естественную, животную тягу к воздуху, к свету и жизни. Не всякому

это удастся, и тем, кому это удастся, не легко достается победа.

Но эти слова большевика Дзержинского знаменуют такое торжество сознания, идеи, на какое человек не кажется способным. Это — мысль, ставшая чувством. Он и заявляет, что такая жизнь для него — органическая необходимость. И если-б ему пришлось снова начать жизнь, он ее начал бы таким же образом.

Это было написано не в минуту возгорания надежд, когда обычно силы возвращаются. Нет: «теперь, когда, быть может, на долгие годы схоронены в ручьях крови все мои надежды, когда пригвождены они к столбам виселицы... теперь я попрежнему горд».

В этой же записи в день нового года, встречаемого в тюрьме, вслед за здравицей борющимся на воле товарищам, мы читаем:

«Сегодня меня уведомили, что другое мое дело будет слушаться 28 января 1909 года, то-есть через четыре недели. Теперь уже не миновать каторги, и тогда придется здесь сидеть 4—6 лет. Брр!...»

За верой следуют дела

Такой человек не мог войти в революцию «случайно». Не мог он «случайно» стать большевиком, выдвинуться в первые фигуры революции. Если мы поближе присмотримся к суровой жизни, и непрестанной борьбе

Феликса Дзержинского, к его цельной, исключительно четкой фигуре, к его железному характеру, не знавшему компромиссов, — мы скажем: «другим он быть не мог».

Родиной его была Литва, входившая тогда в Российскую империю. Дзержинский родился в семье небогатого польского шляхтича, в имении Держиново, Ошмянского уезда. В этом же уезде, между прочим, родился и Иосиф Пилсудский, политический авантюрист, ставший потом главой польского фашизма и душителем польского пролетариата.

Свои молодые годы Дзержинский провел в Вильно, где он учился в гимназии.

Много лет спустя, после своего посещения в 1922 году Москвы, французский политический деятель Эрио писал:

«Пилсудский говорил мне, что Дзержинский в Вильно, где он знал его учеником, выделялся своей нежностью и скромностью. Действительно, высокий и худой, производит он впечатление аскета с лицом иконы... Жестокий или нет — вопрос этот выяснит история, — человек такой не может врать»...

Все знавшие или видевшие Феликса Эдмундовича неизменно отмечают соответствие его внешнего облика качествам его характера. Высокий, стройный, прямой, порывистый, скромный, деликатный — эти слова слетают с уст каждого, знавшего его.

В 1920 году в Москву приехала английская скульпторша Шеридан, особа весьма далекая от политики. Ей пришлось лепить грозного председателя ВЧК, и вот что она о нем пишет:

«Сегодня пришел Дзержинский. Он позировал спокойно и очень молчаливо. Его глаза выглядели несомненно, как омытые слезами вечной скорби, но рот его улыбался кротко и мило. Его лицо узко, с высокими скулами и впадинами. Из всех его черт нос как-будто характернее всего. Он очень тонок, и нежные бескровные ноздри выражают сверх-утонченность. Во время работы и наблюдения за ним в продолжение полутора часов он произвел на меня странное впечатление. Наконец, его молчание стало тягостным, и я воскликнула: «У вас ангельское терпение, вы сидите так тихо!». Он ответил: «Человек учится терпению и спокойствию в тюрьме». На мой вопрос, сколько времени он провел в тюрьме, он ответил: «Четверть моей жизни, одиннадцать лет». Революция освободила его. Несомненно, что не абстрактное желание власти¹, не политическая карьера, а фанатическое убеждение в том, что зло должно быть уничтожено во благо человечества и народов, сделало из подобных людей революционеров».

¹) То-есть желание власти ради власти.

Когда мы знакомимся с попытками представителей буржуазного мира оценить личность Феликса Дзержинского, мы неизменно наталкиваемся на такие слова, как «аскет», «фанатик». Аскет — это человек, отрешающийся от всяких земных удовольствий, умерщвляющий свою плоть, подвижник, постник. Фанатик — лицо такого же порядка. Это изувер, доводящий свою веру до болезненного извращения, до суеверия, до нетерпимости ко всему, что с ней не сходится. Все эти определения даются буржуазными писателями Дзержинскому потому, что буржуазии приятней было бы видеть в жизни и поступках Дзержинского нечто ненормальное, не свойственное человеку.

Но мы дальше увидим, как неверны и нарочиты эти определения. Дзержинский по-человечески сильно и глубоко любил жизнь и все живое. И только сознание, что гнусная капиталистическая система лишает радостей жизни подавляющую массу человечества, заставило Феликса Дзержинского принести все радости своей личной жизни в жертву борьбе. В этой борьбе он проявил исключительную, необычайной силы волю.

Мы не знаем его детских лет. Он не торопился воздвигнуть себе при жизни памятник, как это делают другие, считая, что центральное место во внимании потомков займет...